
АГГЕСТАМ К., ТАУНС Э. ГЕНДЕРНЫЙ ПОВОРОТ В ДИПЛОМАТИИ: НОВАЯ ПОВЕСТКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ.

Реф. ст.: AGGESTAM K., TOWNS A. The gender turn in diplomacy: a new research agenda // International feminist j. of politics. – 2019. – Vol. 21, N 1. – P. 9–28.

Ключевые слова: дипломатия – теория и практика; гендерные исследования и политика; женщины; мир и безопасность.

Для цитирования: Монисова А.С. Реф. ст.: Аггестам К., Таунс Э. Гендерный поворот в дипломатии: новая повестка в исследованиях // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2021. – № 4. – С. 125–129. – Реф. ст.: Aggestam K., Towns A. The gender turn in diplomacy: a new research agenda // International feminist j. of politics. – 2019. – Vol. 21, N 1. – P. 9–28.

Авторы статьи, профессора кафедр политических наук Лундского и Гётеборгского университетов в Швеции Карин Аггестам и Энн Таунс, утверждают, что (ре-)конструкция дипломатии тесно связана с практиками гендерной асимметрии – отчуждения женщин от возможности определять вектор политического и социально-экономического развития общества. Главной целью представленной работы является содействие продвижению новой программы исследований, учитывающей гендерное измерение политики. При этом авторы пытаются освободиться от «родовых грехов» господствующего феминистского движения, отличающегося латентным патернализмом и исключаящего реалии, не вписывающиеся в западную модель мира. Они, в частности, приходят к выводу о необходимости переместить фокус исследований с Европы и Северной Америки на Африку, Азию и Латинскую Америку. Авторы также предлагают не ограничиваться описательными исследованиями отдельных кейсов, а проводить лонгитюдные ис-

следования, которые позволят выявить содержание трансформации институциональной гендерной динамики с течением времени. Этнографическая работа может дать новое понимание гендерных микропроцессов и повседневной институциональной практики (с. 9).

Дипломатия традиционно и формально была прерогативой мужчин. Начиная с 1920-х годов государства и международные организации постепенно стали открывать свои учреждения для женщин, чтобы они могли выполнять различные дипломатические функции. Спустя столетие мужчины по-прежнему непропорционально широко представлены в современной дипломатии. В 2014 г. 85% послов мира были мужчинами¹, доля мужчин среди переговорщиков и посредников в мирных переговорах была еще выше².

Интеграция женщин в работу дипломатических ведомств происходила параллельно повсеместной мобилизации международных женских движений за гендерное равенство³. В 1990-х годах эти усилия привели к появлению активных транснациональных коалиций государств, межправительственных (МПО) и неправительственных организаций (НПО), которые активно выступали за более широкое вовлечение женщин в дипломатию и деятельность международных форумов. Поместив проблему гендерного равенства в список актуальных вопросов мира и безопасности, Совет Безопасности ООН принял в 2000 г. резолюцию 1325 о женщинах, мире и безопасности (WPS⁴), которая стала важной вехой в борьбе за участие женщин в дипломатии. Ряд стран, таких как Австралия, Швеция, Канада и Норвегия, даже включили поло-

¹ Towns A., Niklasson B. Gender, international status and Ambassador appointments // Foreign policy analysis. – 2017. – Vol. 13, N 3. – P. 521.

² Aggestam K., Svensson I. Where are the women in peace mediation? // Gendering diplomacy and international negotiations / ed. by K. Aggestam, A. Towns. – Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2018. – P. 149.

³ Garner K. Shaping a woman's global agenda. – Manchester : Manchester univ. press, 2013. – P. 214.

⁴ WPS (Women, Peace and Security) resolution – резолюция 1325 Совета Безопасности ООН о женщинах, мире и безопасности принятая Советом Безопасности ООН 31 октября 2000 г. В резолюции признается непропорциональное и уникальное воздействие вооруженного конфликта на женщин и девочек. – *Прим. реф.*

жения WPS в свою внешнюю политику и взяли на себя роль неформальных лидеров движения, ориентированного на максимально возможное вовлечение женщин в мирную дипломатию¹.

Совсем недавно были предприняты попытки включить трансгендеров в определенные организации дипломатической службы. Так, в частности, Государственный департамент США при администрации Б. Обамы активно работал над включением трансгендерных дипломатов наряду с другими членами ЛГБТ-сообщества. В 2011 году о своей трансгендерности открыто заявила представитель Госдепартамента США Робин Маккатчеон. «Сегодня я просто еще одна женщина на дипломатической службе, выполняющая свою работу, как и все остальные», – так она поставила акценты в интервью *New York Times*².

И все же, несмотря на все вышеозначенные подвижки, научное осмысление взаимосвязи гендерных вопросов и дипломатии отстает от практики, хотя сама область исследования расширяется. В качестве работ, пытающихся закрыть эту лакуну в академическом знании, авторы упоминают монографии «Гендер и дипломатия»³, а также «Гендерный подход к дипломатии и международные переговоры»⁴. Карин Аггестам и Энн Таунс оценивают их как труды, открывающие новые горизонты за счет большей фиксации на современной дипломатии и принципе разделения политики и практики. Тем не менее в рассматриваемой области все еще существуют серьезные пробелы, что оставляет открытыми множество гендерных вопросов в мире дипломатии (с. 10–17).

В реферируемой работе обозначается ряд механизмов, с помощью которых можно было бы совершить гендерный поворот в изучении дипломатии.

¹ Aggestam K., Bergman-Rosamond A. Swedish feminist foreign policy in the making : ethics, politics and gender // *Ethics a. international affairs j.* – 2016. – Vol. 30, N 3. – P. 323.

² McCutcheon R. Foreign service officer // *New York Times*. – 2018. – Sep 13. – URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2015/opinion/transgender-today/stories/robyn-mccutcheon> (accessed: 05.11.2020).

³ *Gender and diplomacy* / ed. by J. Cassidy. – London ; New York : Routledge, 2017.

⁴ *Gendering diplomacy and international negotiations* / ed. by K. Aggestam, A. Towns. – Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2018.

Во-первых, постулируется необходимость преодоления европоцентризма, наблюдаемого в современных гендерных исследованиях. Авторы статьи полагают, что следует уделять больше внимания таким регионам, как Африка, Азия и Латинская Америка. Исторические исследования, посвященные гендерным конструкциям, актуализирующимся в дипломатической практике неевропейских обществ, обладают особой значимостью. Такие исследования важны сами по себе, но они также могут помочь децентрировать Европу и Северную Америку и, кроме того, обогатят исследования дипломатии в той же Европе и Северной Америке путем предоставления новых точек зрения для контекстуализации и сравнения изучаемых проблем или ситуаций.

Во-вторых, предлагается перейти от описания отдельных кейсов к систематическому сравнению. Например, исследования в области истории дипломатии только выиграют от применения макроисторического подхода – структурированного представления различных национальных контекстов с учетом трансформации временных параметров. Одновременно целесообразно содействовать углублению общих знаний о гендерных аспектах политического взаимодействия. Также существует потребность в дополнительных этнографических исследованиях гендерного измерения микропроцессов (включая гендерные нормы, отношения и идентичности, актуализированные в дипломатических учреждениях). При таком подходе можно по-новому взглянуть на повседневную институциональную практику, поддерживающую формы гендерной иерархии и разделения труда. С точки зрения методологии, этнографические подходы к дипломатии, безусловно, столкнутся с трудностями, причем вопрос доступа исследователя к изучаемым учреждениям станет основной проблемой: работу министерств иностранных дел и посольств отличает высокий уровень секретности. Тем не менее Аггестам и Таунс уверены, что возможности для разработки и проведения подобных этнографических исследований найдутся (с. 22–23).

Международная феминистская теория может внести значительный вклад в теоретическое изучение дипломатии, предлагая концептуальную основу и эмпирические рекомендации для анали-

за взаимодействий между гендером, властью и дипломатией¹. Например, феминистская институциональная теория оказалась полезной для распаковки «черного ящика» мирных переговоров². Таким образом, в рамках гендерного поворота в области дипломатии международная феминистская теория должна оказать содействие продвижению трансформирующейся и инклюзивной дипломатии в теории и на практике, резюмируют авторы статьи (с. 24).

*А.С. Монисова**

¹ *Ackerly B., True. J. Doing feminist research in political a. social science.* – London : Palgrave Macmillan, 2010. – P. 79.

² *Waylen G. A seat at the table – is it enough? Gender, multiparty negotiations and institutional design in South Africa and Northern Ireland // Politics a. gender.* – 2014. – Vol. 19, N 4. – P. 495.

* © Монисова А.С., реферат, 2021

Монисова Александра Сергеевна – студентка факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: nevergiveup1000@mail.ru